

В.И.Макаров

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Оцениваются критерии, которые служат для эксперта-лингвиста методическим основанием при решении задач, которые возникают перед ним в процессе производства экспертизы. Выявляется субъективность научной оценки ряда важных понятий, которые служат эксперту-лингвисту основанием для выводов. Предлагается ряд мер, направленных на повышение объективности лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, неприличная форма, языковая ситуация, официальное и бытовое общение

Непосредственным поводом для написания настоящей статьи для автора стало знакомство с пособием [1]. Упомянутое пособие не предназначено для прямого применения в экспертной практике, однако может, по мысли авторов, использоваться в процессе обучения лиц, которые желают пройти спецкурс лингвокриминалистики. Фактически речь идет о том, что при помощи данного пособия будет формироваться направление ума и стиль будущих экспертов.

Любое пособие, которое прямо или опосредованно может использоваться при проведении экспертизы, должно, на наш взгляд, отвечать следующим требованиям:

1. Помогать в решении сложных экспертных задач.
2. Снижать долю субъективности при проведении экспертиз путем максимально возможной формализации процедур (разумеется, в лингвистической экспертизе это возможно только до известных пределов).
3. Четко ограничивать рамки компетенции эксперта-лингвиста, не заставляя его решать несвойственные ему задачи.

В упомянутом выше пособии я вижу попытку решения всех трех задач, однако по ряду причин, о которых речь пойдет ниже, результат, на мой взгляд, получился обратный желаемому. Сразу оговорюсь, что не ставлю в качестве особенной задачи критику конкретного пособия. Это было бы проще всего. Речь идет о практике и перспективах лингвистической экспертизы как таковой, о преодолении тех постоянно действующих факторов, которые не только снижают эффективность экспертной деятельности, но и периодически выставляют экспертов и их заключения в глазах общественности прямо в комическом ключе (упомянем хотя бы некоторые случаи судебной практики по «возбуждению ненависти и вражды в отношении социальной группы», давным-давно непечатно, но метко высмеянные В.Пелевиным [2]).

Возвращаясь к анализируемому изданию, можно назвать его пособием не для экспертов, а для ленивых работников правоохранительных органов, которые не заинтересованы в возбуждении дел, связанных с фактами оскорблений, и хотят получить средство для отфутболивания заявителей. Поскольку выбор и сочетание критериев, необходимых для возбуждения дела, таковы, что под них подходит единственный случай из множества возможных (он приведен в конце пособия как пример и сразу заставляет задать вопрос: «а что еще?», ответ на который вряд ли последует).

Если заняться выявлением ключевых недостатков пособия, то начать следует с такого, как опора как на безальтернативную точку зрения на понимание «неприличной формы высказывания» И.А.Стерниным. И.А.Стернин, как известно, характеризует как имеющие неприличную форму только высказывания, сделанные в нецензурной форме (то есть с использованием табуированных наименований половых органов, процесса совокупления и обозначений женщины распутного поведения, см. [1, с. 16]). Все остальные выражения сниженного, вульгарного, бранного плана И.А.Стернин выводит за рамки судебного понимания неприличного.

Здесь, во-первых, следует отметить, что проблема «неприличной формы высказывания» в лингвистической литературе имеет и иные решения, например, [3]. Во-вторых, следует указать, что изначально, по своему происхождению, постановка вопроса об «оскорблении в неприличной форме» имеет юридическую, а не лингвистическую основу, и только лишь потому, что в языке есть семантика «неприличного», а также примыкающие к ней понятия «вульгарного», «бранного», «сниженного», лингвисты пытаются найти какие-то устраивающие всех решения языковедческим способом, тогда как такой путь, на мой взгляд, обречен на неуспех.

По идее, законодатель, который и ввел оговорку насчет неприличной формы высказывания, сам и должен дать ей четкое разъяснение, а до тех пор экспертам-лингвистам следует вывести вопрос о неприличной форме высказывания за рамки своей компетенции и отдать его на откуп работникам правовой сферы. Однако, во-первых, подобного разъяснения эксперты ждут уже два десятка лет и не факт, что дождутся. Во-вторых, отказ от трактовки неприличной формы высказывания лингвистами, которые, в силу профессии, имеют хотя бы более или менее объективные критерии для оценки семантики высказывания, вызовет просто правовой коллапс на данном направлении.

В качестве позитивного примера хочется отметить известное каждому эксперту по гражданским делам Постановление Верховного суда № 3 от 24.02.2005 г., которое четко разграничило подсудность негативной информации по линии утверждение / мнение, и это разделение хорошо работает. Хотя, на мой вкус, оценка типа «Н.Н. психопат, мерзавец и гнилая личность» несет куда как больший репутационный ущерб, нежели утверждение «Н.Н. нарушил установленный законом порядок проведения общего собрания жильцов», но с юридическими установлениями не спорят, им следуют, в том числе эксперты, и это хорошо.

В любом случае решение вопроса о юридической значимости тех или иных критериев неприличного точно лежит за рамками компетенции лингвиста. Как это не банально прозвучит, но вопрос о неприличной форме высказывания в имеющейся ситуации необходимо решать в каждом спорном экспертном случае индивидуально. А чтобы такое решение было максимально объективным, необходимо договориться о нескольких важных и прозрачных критериях, которые следует в процессе подготовки выводов применять.

На мой взгляд, к таким критериям следует отнести следующие:

1. Имеется ли намерение нанести оскорбление либо речь идет об оценке ситуации, выражении отношения к ней [3, с. 108].

2. Оценка ситуации высказывания по линии официальная / неофициальная. Попутно заметим, что в критикуемом пособии почему-то отсутствует анализ применения выработанных критериев в отношении ст. 319 УК РФ, формулируемой как «Публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением»; кстати, если исходить из логики авторов пособия, эта статья вообще рискует остаться практически бесхозной.

Как нам представляется, оценка приличной / неприличной формы высказывания напрямую зависит от предварительной оценки ситуации с позиции официальная / неофициальная. При этом критерий такой оценки прост: выступает ли в ситуации хотя бы одно лицо в какой-либо официальной ипостаси, и доступен ли данный факт для осознания участников ситуации. Для официальной ситуации планка приличной / неприличной формы должна быть заведомо ниже, чем для неофициальной. Можно признать для официальной ситуации имеющими неприличную форму оскорбительные высказывания:

1. Непристойные (нецензурные) слова и эпитеты с бранным смыслом.

2. Бранные выражения явно сниженного регистра (жаргонные, просторечные, имеющие семантику телесного низа либо апеллирующие к чему-то грязному, непристойному, нечистому).

Отдельно хотелось бы высказаться по поводу негативной лексики, имеющей или не имеющей указания на какую-либо противоправную, морально осуждаемую деятельность, в том числе такой лексики, которая является принадлежностью литературного языка. Считается, что лексика, прямо указывающая на противоправную и осуждаемую деятельность, имеет более высокий инвективный потенциал. Мне это не кажется очевидным.

Во-первых, лексика с подобным смыслом явно подпадает под действие статьи 152 ГК, которая защищает человека от распространения о нем унижающих достоинство сведений. Подкреплять это еще и «оскорбительными» статьями УК и КоАП кажется излишним. Во-вторых, употребление подобной лексики вполне может свидетельствовать о попытке говорящим оценить ситуацию и конкретные поступки адресата, рационализировать свои негативные эмоции, конкретно выразить свои претензии к адресату.

В то же время употребление автором высказывания обобщенно-бранной лексики не дает адресату возможности оправдаться и свидетельствует о попытке говорящего дать адресату обобщенную, нерационализированную оценку, то есть желание уязвить, унижить и т.п. адресата выступает на первый план. Кроме того, употребление слов, вроде бы имеющих указание на рациональные основания оценки, зачастую в ситуации лишено данной отнесенности и дополнительно свидетельствует о желании просто оскорбить (напр., если пьяный хулиган при задержании называет женщину-полицейского «шалава», то каковы должны быть ее дальнейшие действия? пытаться доказать в суде, что она вовсе не ведет распущенную половую жизнь? очевидно, нет).

Данные соображения заставляют нас оценивать оскорбительный потенциал бранных слов с аморфным понятийным содержанием как более высокий.

Кстати, еще один недостаток критикуемого ярославского пособия — это абсолютизация требования «фактологичности» при оценке судебных перспектив оскорбления. Если всерьез применять это требование, то вполне можно вообразить ситуацию, когда обвиняемый в судебном присутствии, посреди процесса, глядя в глаза судье и прямо обращаясь к нему, громко говорит: «Ты х...» и показывает ему средний палец, а то и оба, и судья ничего с этим поделать, так как в поведении обвиняемого нет состава ст. 319 в связи с тем, что судью не обвиняют в нарушении законов и моральных норм. Конечно, можно возразить, что существуют статьи, карающие за хулиганство и т.п., однако тогда возникает сомнение в целесообразности существования ст. 319 и аналогичных ей.

Развивая далее мысль об оценке ситуации с точки зрения официальности / неофициальности, следует сказать, что неофициальные ситуации требуют дополнительной оценки с точки зрения их основных параметров и участников общения, например, характеристики языковой личности коммуникантов, степени их знакомства, отношений, связей, контекста высказывания.

Разумеется, бытовое, неофициальное общение, особенно если это касается групп людей, которые «матом не ругаются, а разговаривают на нем», предоставляет коммуникантам гораздо больше возможностей для

речевой самореализации и выяснения отношений, в процесс которого не следует вмешивать юриспруденцию совсем [4].

Однако существует ряд ситуаций промежуточного между официальным и неофициальным общением класса, традиционно относящихся к бытовым, которые обычно объединяются понятием «стереотипные диалоги незнакомых людей». Как правило, речь идет об общении в магазинах, транспорте, общественных учреждениях. И вот здесь неадекватное, оскорбительное речевое поведение должно получать общественную оценку, в том числе юридическую. Поэтому критерии приличности / неприличности для таких случаев обязательно должны существовать.

Подводя итог сказанному, хотелось бы еще раз отметить, что проблема определения «неприличной формы высказывания» остается одной из наиболее трудных для эксперта-лингвиста, влияющих на объективность его заключения. По моему мнению, она не имеет устраивающего всех лингвистического решения и ожидает момента, когда законодатель наконец соберется с силами и разрубит «гордиев узел». Но поскольку весьма вероятно, что мы не дождемся этого, необходимо продолжать искать средства, повышающие объективность заключений, в том числе разрабатывать формализованные критерии, которые будут служить экспертам в качестве добротного рабочего инструмента в их нелегкой деятельности.

-
1. Стернин И.А., Антонова Л.Г., Карпов Д.Л., Шаманова М.В. Выявление признаков унижения чести, достоинства, умаления деловой репутации и оскорбления в лингвистической экспертизе текста. Ярославль, 2013. 35 с.
  2. Пелевин В. Зенитные кодексы Аль-Эфесби. Любое издание.
  3. Кусов Г.В. Диагностика квалифицирующего признака «неприличная форма» в судебной лингвистической экспертизе [Электр. ресурс] // Культура и текст. 2013. № 1(14). URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (дата обращения: 01.04.2017).
  4. Жельвис В.И. Слово и дело: юридический аспект сквернословия // Понятия чести, достоинства, деловой репутации. М., 2004. С. 289-298.

References

1. Sternin I.A., Antonova L.G., Karpov D.L., Shamanova M.V. Vyyavlenie priznakov unizheniya chesti, dostoinstva, umaleniya delovoy reputatsii i oskorbleniya v lingvisticheskoy ekspertize teksta. Yaroslavl', 2013. 35 s.
2. Pelevin V. Zenitnye kodeksy Al'-Efesbi. Lyuboe izdanie.
3. Kusov G.V. Diagnostika kvalifitsiruyushchego priznaka «neprilichnaya forma» v sudebnoy lingvisticheskoy ekspertize [Elektr. resurs] // Kul'tura i tekst. 2013. № 1(14). URL: <http://www.ct.uni-altai.ru/> (data obrashcheniya: 01.04.2017).
4. Zhel'vis V.I. Slovo i delo: yuridicheskiy aspekt skvernozloviya // Ponyatiya chesti, dostoinstva, delovoy reputatsii. M., 2004. S. 289-298.

Makarov V.I. Efficiency of linguistic expertise. Linguistic-based evaluation criteria are defined that serve as a methodological basis in the process of creating forensic expert evidence. The author concludes that some major scientific concepts are used by the experts subjectively. Some steps are proposed to enhance the objectivity of the linguistic evidence.

Keywords: linguistic expertise, indecent form, language situation, official and everyday communication.

Сведения об авторе. В.И.Макаров — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ИГУМ НовГУ имени Ярослава Мудрого; vladlen.makarov@novsu.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 05.12.2017.